

ДЕВОЧКА ПЕЛА В ЦЕРКОВНОМ ХОРЕ

Я немножко обеспокоена своей старостью,
тем более что меня еще и обокрали,
сетует Елена Образцова

*Кавказская газета. 1999,
- 10 сент. - с. 11*

Елена Образцова (вторая слева) с друзьями на природе.
Фото Бесика Питии

Леся Ильина

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА, пятого сентября начался конкурс молодых исполнителей в Санкт-Петербурге. В октябре, ноябре и в начале декабря у вас будут выступления и мастер-классы в Японии. Когда же вы отдыхаете?

— О, я мечтаю о том, чтобы где-нибудь на лесной поляне упасть в траву и смотреть на небо. В реальности этого не получается. У меня за 36 лет работы ни разу не было отпуска. Я очень люблю жизнь, люблю общаться с людьми, с природой. У меня несколько лет назад было довольно тяжелое испытание, которое помогло мне еще больше полюбить жизнь. Я упала с велосипеда и повредила глаз — отошла сетчатка. Четыре года я была почти слепой, не могла читать ноты. Моя подруга Элизабет Пикассо, секретарь дружки моей подруги, Монсеррат Кабалье, уговорила меня сделать операцию. И вот когда я вновь обрела зрение, увидела, какие узоры на птичьих перышках или как изящно вырезаны листья на деревьях — тут я поняла, какая бесценная штука — жизнь. И надо благодарить Бога за то, что мы получили этот великий дар.

— Вы часто говорите «мой друг Папаротти, моя подруга Кабалье». Что вы вкладываете в понятие «дружба»?

— Я имею в виду, что мы с любовью общаемся. Например, Ренаточка Тебальди. Я хожу к ней в гости, она ко мне очень любовно относится, мы делаем друг другу подарки. Пьем вместе чай, обедаем. Или Ширли Верретт. Изумительная женщина. Во-первых, очень красивая. Дивная певица с редкостным голосом, прекрасная подруга. Она очень хорошая, чудная.

— Вы родились в Петербурге, это город вашего детства и юности. Какие воспоминания с ним связаны?

— Я родилась перед самой войной, поэтому основные воспоминания детства — голод, блокада. Очень страшные и горькие воспоминания. Мы с бабушкой ходили в церковь, я там пела в хоре и, помню, страстно молилась за Победу.

Мою душу воспитала красота Петербурга, необыкновенная стройность его архитектуры. Эрмитаж, Русский музей, Мариинский театр, Малый оперный театр — это все формировало меня как художника.

— А почему вы остались в Ленинграде во время блокады?

— Мой папа был специалист по турбинам, главный конструктор завода, а мама — инженер по дорожному транспорту. Не успели выехать и потом думали, что это все ненадолго. В общем, как и все...

— Чем отличаются, на ваш взгляд, консерваторские школы Москвы и Петербурга?

— Школы ничем не отличаются, и я

вообще не понимаю, что такое школы. Есть хорошие педагоги и есть педагоги плохие. Точно так же, как и певцы.

— Вы — президент Камерной филармонии. Расскажите о ней, пожалуйста.

— У нас большие планы. Необходимо, чтобы под эгидой Камерной филармонии имели возможность дебютировать молодые исполнители. Я хочу вести мастер-классы в Москве, где студенты России и других стран мира будут изучать стилевые особенности исполнительского мастерства. Это будет элитное заведение, оказывающее протекцию одаренным людям. Там же смогут выступать и вести занятия певцы всего мира. Подобное заведение уже существует в Петербурге под названием «Петербургские меломаны». Губернатор Яковлев выделил большое помещение на Невском, два концертных зала. Сейчас ведутся переговоры с Лужковым о предоставлении нам помещения на Красной Пресне.

— А вы испытываете трудности при общении с государственными чиновниками? Кажется, в свое время у вас были прекрасные отношения с Демичевым, министром культуры брежневских времен...

— Мне никогда не составляет труда общение с людьми, потому что все одинаково люди, и среди них есть умные, а есть — дураки. С теми потруднее... (Смеется.)

А Демичев — интереснейший человек, я любила с ним разговаривать. Я ездила к нему на дачу, потому что преподавала пение его дочке Леночке Школьниковой, которая много лет пропела в Большом театре. У нас с ним было общее духовное начало, мы очень понимали друг друга, были настоящими друзьями. И до сих пор мы друзья, он помогал мне в трудные моменты жизни. И я помогала ему, мы не бросали друг друга. Я счастлива, что мы дружим до сих пор.

— Есть ли что-то, чего вы не можете простить брежневскому режиму?

— Конечно, было очень много нехорошего. Мы очень трудно выезжали за границу, трудно было делать карьеру, мы были несвободны. Но нельзя забывать, что к нам, артистам, уважительно относились правительство, нами интересовались. В то время каждый человек мог поехать отдыхать на юг. Даже на те гроши, которые нам платили, мы могли что-то купить и даже в ресторане посидеть. Сейчас мы не можем себе этого позволить.

Мне, конечно, жалко, что я всю жизнь работала без денег, что говорить... Я сейчас немножко растеряна, потому что та пенсия, на которую мы всегда рассчитывали, чтобы жить спокойно, — сейчас уже не те времена. На теперешнюю пенсию не проживешь. Я немножко обеспокоена своей старостью, тем более (с горькой усмешкой) что меня еще и обокрали. Унесли те вещи, которые я рассчитывала по-немногу продавать, чтобы как-то обеспечить старость... Меня это беспокоит еще

и потому, что я осталась одна и не знаю, как жить дальше.

— Какую партию вы мечтаете спеть? Или ваши мечты уже осуществились?

— По крайней мере осуществляются. Буду исполнять партию Клитемнестры в «Электре» Рихарда Штрауса. Для выступления в Ла Скала подготовила «Диалог кармелиток». Очень хотелось бы принять участие в новой постановке Большого театра. Я за 36 лет не спела ни одной премьеры, и это обидно. Хотелось бы поставить здесь, в России, спектакли «Адриенна Лекуврер», «Самсон и Далила», другие, в которых меня видели на сценах мира.

— Почему свою дочь вы назвали Еленой?

— Это мой первый муж, который меня очень любил, наверное, хотел, чтобы была еще одна Елена.

— Ваш талант на нее не давит?

— Не думаю. Я вообще никогда не давала ни на кого, а Елена — девочка с большой индивидуальностью. Может быть, мне в ней не все нравится, но я не хочу ее менять. Пусть она будет такой, какой ее создал Господь. Не люблю никого заставлять или выравнять под себя.

— Елена Васильевна, назовите самое драгоценное качество вашего второго мужа покойного Альгиса Жюрайтиса.

— Нежность.

— А что вы могли бы рассказать о начале вашего романа?

— А начала никакого не было. Все началось сразу. Он встретил меня в поезде, мы с ним поцеловались, как всегда. И вдруг что-то меня в спину как ударило! И я влюбилась сразу, в одну секунду. То есть не было никаких ухаживаний, переживаний, а просто так — бах! — и все.

— Вы — сильная женщина. Хочется иногда быть слабой?

— Всегда! Наверное, я сильная, это так... Но мне слишком знакомо чувство неуверенности в себе, какой-то позаброшенности. Я очень остро ощущаю собственное одиночество. Слабость присуща любой женщине, она хочет быть любимой. С моим мужем Альгисом я была очень счастлива. Мне всегда хотелось иметь рядом сильного мужчину, а он был именно таким. У нас было то, что называется духовным слиянием. Мне этого очень не хватает сейчас.

— Я знаю, что вы любите Достоевского. Сейчас время стремительно меняется. До какой степени мы, нынешние, схожи с его героями?

— Достоевский был провидец, одни «Бесы» чего стоят. Я его люблю за то, что он писал о жизни души. Это то, что недоступно другим писателям. Он очень-очень глубокий человек, большой психолог и философ. А о нас, теперешних, говорить трудно. Общество так расслоилось, стало абсолютно разнородным. Есть люди очень умные, очень цельные.

А есть те, что скользят по поверхности жизни. Есть убийцы, насильники, пошляки. В нашем обществе не чувствуется этого «мы». «Мы», наверное, можно было сказать в послевоенное время...

— Я знаю, что вы — глубоко верующий человек...

— Меня радует, что люди возвращаются к Богу. Но многие приходят в церковь, чтобы что-то попросить у Господа. Не отдай ему душевные силы, не возблагодаришь за то, что мы существуем...

— Есть у вас талисман?

— У меня есть маленький песик. Это была единственная игрушка в моей жизни, когда я росла. Он был со мной во время блокады. Сейчас он очень старенький, вместо глаз — пуговицы. Я его очень люблю и ежу с ним по всему свету. Зовут его Бобка.

— Как вы решаете бытовые проблемы?

— У меня есть Анна, хранительница моего очага. Женщина, которая подарила мне свою жизнь, за что я ей очень благодарна. Она пришла ко мне много лет назад и сказала: «Вот, вы такая большая певица, а вы сами да сами... Я теперь у вас буду». Она с трудным характером, но я тоже не сахар. (Смеется.) Я ее бесконечно люблю и очень благодарна ей за то, что она меня не бросает.

— Ваши туалеты всегда так изысканны. У вас есть свой модельер?

— Да, ее зовут Маша Москвина. Она бывшая балерина. Маша очень хорошо видит линию, прекрасно шьет, и я ей очень за это благодарна. Она очень приятная женщина, милая, скромная. На ее месте другой открыл бы свое ателье, а она тихохонько сидит у себя на Мосфильмовской улице и делает красивые вещи.

— Ваше любимое блюдо?

— Суп из спаржи. Я его всегда ем в гостинице «Марко Поло».

— Любимый цвет?

— Все-таки черный, наверное.

— Любимое время года?

— Весна!

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Елена Васильевна Образцова родилась 7 июля 1939 года в Ленинграде. Училась в Ленинградской консерватории. С третьего курса консерватории, в 1964 году, приглашена в Москву солисткой в оперную труппу Большого театра (меццо-сопрано). 1-я премия на Международном конкурсе имени П.И. Чайковского в Москве (1970 г.). Выступает на зарубежных сценах — «Метрополитен-опера», «Ла Скала», «Лисео», в Мариинском театре.